

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА

А.Н. Новосёлова, Р.И. Захаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

antonina40@yandex.ru, riz1369@mail.ru

В статье рассматривается определение лингвистических признаков этнического экстремизма в интернет-текстах, в качестве примера приведены основные элементы исследования конфликтогенного текста по выявлению таких диагностических комплексов, как пропаганда и оправдание экстремистских действий. Приведены примеры конфликтогенности оппозиции «свой» – «чужой» на разных лингвистических уровнях. Авторы считают, что законодательная неопределенность понятия «экстремизм» затрудняет проведение экспертизы при исследовании конфликтогенного интернет-текста.

Ключевые слова: интернет-текст, этнический экстремизм, диагностический комплекс, судебно-лингвистическая экспертиза.

Преступления экстремистской направленности – одни из наиболее опасных. Специфика глобальной сети способствует размещению в Интернете материалов, имеющих признаки этнического экстремизма. Увеличение количества материалов подобного рода влечет необходимость создания прочной доказательной базы для привлечения к ответственности лиц, причастных к их созданию и распространению.

Правовая фиксация понятия «экстремизм» дана ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ) через перечень действий, признаваемых законодателем экстремистскими [1]. Проблема этнического экстремизма актуализирована в трудах М.П. Клейменова, Д.Е. Некрасова, О.А. Русакова, А.Г. Хлебушкина, А.В. Павлинова и др. Многообразие точек зрения обусловлено различным пониманием конкретных действий как экстремистских. Авторами предприняты попытки дать теоретическое обоснование выдвигаемым дефинициям, но правового закрепления самого понятия «этнический экстремизм» пока нет. Все исследователи отмечают как общий признак политическую составляющую экстремизма, то есть этнический экстремизм рассматривается ими как разновидность политического экстремизма. Однако Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), к которой присоединилась и РФ, рассматривает экстремизм без политического компонента.

В ФЗ законодатель делает акцент на деятельностный компонент экстремизма, подробно описывая перечень действий, однако при этом в тексте содержится информация о его теоретической (идеологической) составляющей – пропаганда. Нет указания на цель деяний, но есть их конкретизация (применение

насилия, возбуждение ненависти, призывы к совершению действий и т.д.), сформулированная, на наш взгляд, исходя из основ конституционного строя, норм и принципов российского права. В законе «экстремизм» тождественен понятию «экстремистские действия», что обусловлено позицией законодателя: пропаганда, призывы, возбуждение ненависти и вражды, реализуемые в форме речевых актов, также представляют собой действия (речевые), даже несмотря на отсутствие непосредственного взаимодействия с объектом.

Говоря о научных дефинициях понятия, отметим значимость определения П. Коулмана и А. Бартоли: они считают экстремизмом не только систему взглядов, но и претворение их в жизнь [2]. Н.А. Голованова отмечает, что в праве Великобритании «к экстремистским относятся действия, связанные с возбуждением национальной вражды», что свидетельствует о сходном понимании явления [3]. Отметим, что система крайних взглядов, негативный общественно опасный характер действий, нетерпимость к группе людей, выделенной по определенному признаку, – общие черты понятия «экстремизм» в правовых системах различных стран.

Рассматривая экстремизм по объекту воздействия, мы убедились, что причины этнического экстремизма следует искать все-таки в политической сфере. Будет оправданным выделять его как подвид политического экстремизма. На наш взгляд, это выделение необходимо в силу специфики совершения названных действий: взаимодействие с объектом не нужно, субъект осуществляет действие путем создания речевого акта с определенной интенцией и направляет его неограниченному кругу адресатов.

Указанные в ФЗ экстремистские действия на практике могут быть представлены непосредственно действиями и речевыми актами. Так, например, возбуждение национальной розни может реализовываться в форме применения насилия к представителям национальной группы, а может – в форме речевого акта, выраженного в устной или письменной форме. Объектом этнического экстремизма является лицо или группа лиц, выделенные по критерию кровного родства, общности культурных связей, менталитета, внешности. Важный признак этнического экстремизма указан в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и УК РФ, в которых говорится, что мотив совершения преступлений экстремистской направленности – национальная ненависть или вражда [4; 5, ст. 282.1, прим. 2].

Для целей нашего исследования значимо, что речевой этнический экстремизм – это речевые действия в форме различных речевых актов, целью которых является выражение оценки объекта этнического экстремизма либо действий, совершаемых в отношении объекта, и/или побуждения к совершению определенных действий в отношении объекта, изменение отношения к объекту (корректировка мировоззрения) адресата речи. Совершение подобных ре-

чевых действий мотивировано национальной ненавистью или враждой. Для них характерна публичность, то есть адресатом является неограниченный круг лиц.

Интернет как глобальная информационно-телекоммуникационная сеть является благоприятной средой для этнического экстремизма. На значимость Интернета как коммуникационного канала косвенным образом указывает УК РФ: в ст. 280 п. 2 и ст. 282 его использование специально оговаривается [5].

Специфика коммуникации в Интернете обусловлена тем, что он используется как ресурс без государственной цензуры, а инструменты визуализации, фиксации и передачи информации дают возможность облекать информацию (в том числе экстремистскую) в новые, более доходчивые формы, облегчая обоснование и оправдание совершения экстремистских действий, формирование убеждения в их правильности и необходимости.

Глобальная сеть позволяет быстро транслировать информацию широкой аудитории анонимно или с использованием вымышленного имени. Анонимность способствует распространению в сети языка вражды [6] как проявления речевой агрессии, в том числе в сфере межэтнических отношений. Язык вражды проявляется в использовании лексических средств и синтаксических конструкций, позволяющих выявить интенции и цели для определения установки адресата на возбуждение ненависти, дискриминацию, унижение или угрозу применения насилия по отношению к представителям иных этносов; диагностируется по таким признакам, как негативность сигнала, достаточная внятность и высокая интенсивность, публичность, представление другого человека чужим (чуждым) и заведомо неравным себе. Использование языка вражды – важная характеристика текстов экстремистской направленности.

В интернет-среде имеется возможность создания сообществ по интересам, в том числе экстремистских, как отметил Х. Бонфаделли [7]. Формированию таких сообществ способствуют таргетированная реклама, открытость социальных сетей: пользователи указывают свой пол, возраст, место жительства, взгляды и убеждения, что дает возможность обратной связи и позволяет объединять единомышленников и осуществлять пропаганду идей, убеждений более адресно.

Таким образом, множественность участников коммуникации, интерактивность, возможность быстрого обмена сообщениями, подкастовость, гипертекстовость, креолизованность способствуют ускоренному распространению идей экстремизма.

Противодействию распространению материалов экстремистского содержания активно способствуют результаты лингвистических исследований. Судебно-лингвистическая экспертиза позволяет установить: предмет речи; цели субъектов коммуникации; характеристики коммуникантов; их отношение к

описываемым действиям, убеждениям, предмету речи; наличие в тексте значений, по которым материалы в дальнейшем будут признаны судом экстремистскими, или оправдания экстремистских действий и побуждения к их совершению; форму выражения информации, ее эксплицитность или имплицитность. Информация такого рода имеет важное доказательственное значение.

Отметим, что выявление лингвистических признаков этнического экстремизма возможно только при проведении подробного лингвистического анализа конфликтного текста. Для этого необходимо определить специфику спорного текста (далее – СТ) как объекта исследования, чтобы правильно уяснить экспертные задачи и минимизировать экспертные ошибки.

Согласно «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» каждый лингвистический аспект этнического экстремизма представляет собой диагностический комплекс, который состоит из предмета речи (тематика), отношения коммуниканта к предмету речи, цели коммуникации [8, стр. 25]. Предмет речи выявляется в ходе предметно-лингвистического анализа и позволяет определить этническую группу и/или действия в отношении этой группы, о которых адресант говорит. Оценочно-экспрессивный анализ направлен на установление отношения адресанта речи – положительное или отрицательное – к предмету речи.

В ходе лингвистического целевого анализа определяется коммуникативная цель, ради которой совершался речевой акт, создавался и распространялся текст. Только наличие всех трех элементов диагностического комплекса позволяет сделать вывод о том, что в тексте содержатся лингвистические признаки этнического экстремизма. Элементы диагностического комплекса эксплицируются с помощью языковых средств на фонетическом, морфемном (при необходимости), лексическом, морфологическом, синтаксическом и прагматическом уровнях.

В качестве примера рассмотрим лингвистическое исследование конфликтного текста Петра Хомякова «Программа НОРНА», который был размещен в открытом доступе на интернет-портале You-books.com [9].

Предметно-лингвистический анализ показывает, что в СТ речь идет о действиях в сфере межэтнических отношений.

На лексическом уровне в СТ представлены, с одной стороны – негативно-оценочные номинации, являющиеся контекстными синонимами: «дикое мясо», «кавказские хамы», «жиды», «еврейские гешефтмахеры», «враги русского народа», а с другой – выражения с положительной коннотацией: «русские люди», «русские мужчины и женщины». Таким образом, адресантом речи выделены три национальные группы – евреи, кавказцы, русские. Посредством оппозиции формируется образ антагонистического мира, в котором существует раз-

деление на «свой» – «чужой». Все положительные семантические ассоциации связаны с лексемой «русский». Личный дейксис «наш мир, наши убеждения» (выделено нами – А.Н., Р.З.) усиливает положительность образа «своей» этнической группы. В то же время создается негативный образ других этнических групп с использованием метафоризированных грубо просторечных слов и словосочетаний.

Так, лексема «жид» относится к этнонимам с негативной эмоциональной окраской, на что указывает функционально-стилистическая помета (разг.-сниж.) [10], передающая презрительные отношения к этой группе лиц адресанта речи. В словосочетании «кавказский хам» определяемое слово подчеркивает грубость, наглость, невоспитанность референта [10], на которого указывает определение; при этом слово «хам» устойчиво употребляется в качестве бранного. Используя прием генерализации, адресант речи (субъект оценки) характеризует личностные качества всех представителей этногруппы, демонстрируя враждебность своего отношения и рассчитывая на формирование такого же отношения у адресата в качестве перлокутивного эффекта речевого действия.

Действия, к совершению которых побуждает адресант, вербализуются в СТ в высказываниях «объединяться надо и бороться надо», «завоевание русским средним классом лидирующих позиций в России», «все заслуживают того, чтобы стать объектом, скажем мягко, “восстановления справедливости”». Побуждение выражено в имплицитной форме через обоснование необходимости («надо») и правильности («восстановления справедливости») действий «своей» группы, но усиливается дублированием модального компонента и его постановкой в постпозицию. Суть первого действия – сплачивание, образование единого целого (консолидация). Семантика же лексемы «бороться» в контексте противостояния, борьбы, войны («завоевание») предполагает не просто враждебные, а именно насильственные действия в отношении других этнических групп, результатом которых будет их подчиненное относительно «своей» группы положение («лидирующий») [10].

Контекстуальная синонимия номинаций этнических групп указывает на пресуппозицию «эти этнические группы – враги русского народа». Поскольку адресатом СТ являются, скорее всего, русские по национальности читатели (текст написан на русском языке), эта информация способствует усилению их негативного отношения к представителям «не-своей» группы.

Идеологический посыл адресанта состоит в обосновании превосходства одной этнической группы над другими и насильственного захвата ею главенствующего положения. За призывами к объединению скрыта имплицитная цель – призыв к порабощению.

Прагматические особенности интернет-текста связаны с особым статусом коммуникации, который в этом конкретном тексте можно определить как эт-

нополитический. Коммуниканты выступают в качестве носителей конкретной идеологии. Они воспринимают содержание текста этноэкстремистской направленности как воплощение мировоззренческого идеала, а воздействие текста – как часть идеологически важной работы.

СТ размещен в Интернете, не имеет ограничений доступа, имеет публичный коммуникативный характер, то есть рассчитан на неопределенный круг лиц. Таким образом, созданы условия для доведения информации до сведения неопределенного числа лиц, разделяющих, исповедующих определенные политические и общественные взгляды [11]. А.Н. Баранов также указывал, что подобным образом создаются подготовительные условия для успешного функционирования экстремистского текста [12]. Для убеждения адресата в правильности своих суждений и для побуждения к принятию этих суждений адресант речи использует псевдорационально-эвристическую стратегию, реализующую различными средствами: риторические вопросы («Интригует?»), личный дейксис («наше искусство»), апелляция к авторитету (Д. Форрестер, Д. Медоуз), парцелляция («Если не больше. Что так, что этак. Что ж»), ирония («А сейчас гордятся еще сильнее. Такая мода на дворе нынче»).

Адресант оправдывает деятельность, указывая на положительные последствия, которые последуют за исполнением действий. Во фрагменте «Главное, что мы будем наконец-то жить в цивилизованной стране. Свободными людьми. Без бюрократического и полицейского произвола. Без страха за наш бизнес. Без бесконечных кавказских войн» наречие «наконец-то» употребляется для выражения крайней степени недовольства существующей ситуацией, будущее время указывает на пресуппозицию «сейчас мы живем в нецивилизованном мире». После реализации описываемых действий страна будет цивилизованной, положение – безопасным, а люди – свободными.

Цель адресанта реализуется в информировании адресата о действиях (как адресат должен поступать) и в убеждении в их правильности. Информирование в данном тексте представляет собой программу, которая включает в себя цели, список противников и потенциальных союзников.

Проведенное лингвистическое исследование показывает, что СТ является этно-экстремистским речевым произведением, в нем реализуются несколько диагностических комплексов, в частности, пропаганда и оправдание экстремистских действий:

- 1) предмет речи – насильственные действия, направленные против этнических групп «евреи», «кавказцы», результатом которых будет установление превосходства этнической группы «русские»;
- 2) адресант речи оценивает положительно и действия, и их последствия, оправдывая таким образом их совершение;
- 3) его речевая цель – убеждение адресата в правильности описываемых

действий, информирование о программе действий.

Таким образом, исследованный интернет-текст способствует распространению идей этнического экстремизма среди группы лиц, объединенной по национальному признаку, – «русские».

Как видим, судебно-лингвистическая экспертиза помогает установить наличие/отсутствие в спорном тексте определенного «экстремистского» значения и помогает правоприменителю принять обоснованное решение о дальнейшей судьбе текста и лиц, причастных к их созданию и распространению.

Можно говорить о наличии в подобных текстах маркеров потенциальной конфликтности «свой» – «чужой».

В рамках «своего» мира однозначно позитивно оцениваются «свои» обычаи, особенности поведения, усиливается значимость родства (обращение «брат», «друг», «старик»). Большинство коммуникантов осмыслиют окружающий мир в этническом контексте (например, этноним «немцы» – то есть немые, не говорящие «по-нашему»). Отсюда номинация представителей других народов с использованием грубо просторечной лексики и негативных коннотаций. Коннотации различаются степенью бескомпромиссности при употреблении лексем: пренебрежительные, уничижительные, ироничные, презрительные. Такие пейоративные псевдоэтнонимы (термин А.С. Архиповой) инвективируют оппозицию «свой» – «чужой», усиливая лингвистический «заряд» враждебности.

Элементы диагностического комплекса проявления речевой агрессии в сфере межэтнических отношений на фонетическом, морфемном уровнях ярче всего проявляются при оценочно-экспрессивном анализе, направленном на установление отрицательного отношения к предмету речи – национальной группе. Так, например, общеизвестны такие способы образования пейоративных псевдоэтнонимов, как «азер» (путем усечения основы), «чех» (усечение основы с одновременными фонетическими изменениями в основе –диссимиляция по смычности и твердости-мягкости), «хач» (безаффиксный способ) и т.д.

Проанализированный выше текст считаем конфликтным, поскольку это публичный текст, размещенный в интернет-пространстве, он провоцирует на возникновение конфликта между представителями разных этнических групп и имплицитно призывает к совершению действий, наносящих вред определенной группе людей, характеризующейся принадлежностью к конкретной национальности. Автор исследуемого текста создает конфликтную ситуацию всей совокупностью используемых речевых средств, демонстрируя свою неприязнь к кругу «чужих».

Признаки этнического экстремизма, выявленные при анализе, позволяют сделать вывод о действенности используемой методики исследования, однако она требует доработки, потому как законодательная неоднозначность дефиниции «экстремизм» допускает неоднозначность интерпретации выводов экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (дата обращения: 14.01.2022).
2. Coleman P.T., Bartoli A. Addressing Extremism. Position paper New York: Columbia University, The International Center for Cooperation and Conflict Resolution. 2003. p. 2.
3. Голованова Н.А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия. // Журнал российского права. 2014. №4. С. 106.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011 г.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.02.2021).
6. Гладилин А.В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 144–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-v-traditsionnyh-i-novyh-media> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Bonfadelli H. Medienwirkungsforschung I. Konstanz, 1999. S. 265.
8. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014. 98 с.
9. Хомяков П. Программа НОРНА. URL: http://www.bonlib.ru/sf/_sf/petr-homyakov-programma-norna.html (дата обращения: 24.09.2021).
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
11. Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/semiotika_ekstremistskogo_teksta_1_m_golikov/10-1-0-280 (дата обращения: 20.01.2022).
12. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика уч. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Новосёлова А.Н., Захаров Р.И. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА. В кн.: Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 19–20 мая 2022 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2022. – С.190-199. ISBN 978-5-91326-740-5